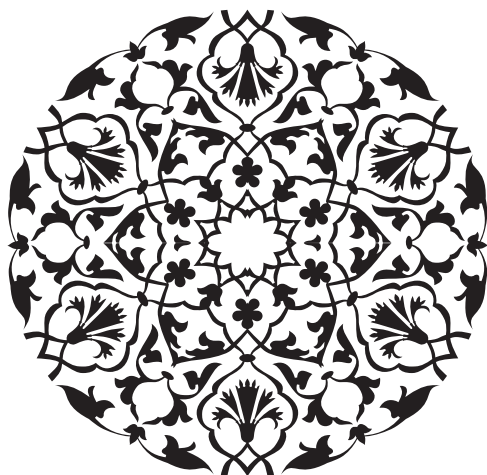

Мурад Аджи

Святой Георгий и гунны

ОГИЗ

Издательство АСТ
Москва

*Мурад Эскендерович Аджиев (9.12.1944 – 7.3.2018) –
географ, писатель, автор концепции
Великого переселения народов, зародившегося на Алтае.
Более 20 лет посвятил исследованию предшественницы Руси –
степной державы Деишт-и-Кипчак.*

Мурад
Аджи

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ
И ГУННЫ

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
А29

Все права защищены.
Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме без письменного разрешения
владельцев авторских прав

*В оформлении обложки использовано
изображение святого Георгия из церкви Святой Елены.
Ранворт, Норфолк. Великобритания. XVI в.*

Аджи, Мурад
А29 Святой Георгий и гунны / М. Аджи. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 400 с. : ил. — (Взлет и падение
великих империй).

ISBN 978-5-17-112807-4

Книгу эту я писал лет двадцать, а шел к ней всю жизнь. Судьба?
Наверное. Ибо «что должно произойти, то – неизбежно». Так и случи-
лось, ход жизненных событий сам, шаг за шагом, и не всегда по моей
воле, открывал тайнопись лабиринтов Времени. Осторожно, порой
наощупь я продвигался вперед по бесконечному пути в прошлое.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-17-112807-4

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019
© Аджи М., (наследники), 2019

ОТ РЕДАКТОРА

Его книги в 90-х годах открыли миру неведомую доселе **общую** историю тюрков, покорив дерзостью, неожиданностью и красотой своих идей. Вызывая горячие споры, пробуждая память народа, они никого не оставляли равнодушным. То было новое слово в истории, слово **географа**.

Исследуя этапы освоения Евразийского континента, он вышел на пути Великого переселения народов и раздвинул границы отечественной истории на тысячу лет. Его концепция Великого переселения помогла взглянуть на исторические процессы как бы с небесной высоты. И оттуда, сверху, ему, географу, удалось увидеть то, что не замечали историки.

Тогда мы и узнали о 2000-летнем (!) прошлом России, о предшественнице Руси — стране Дешт-и-Кипчак (Великая Степь), о половецких страницах российской истории.

Мурад Аджи... Это имя неотделимо от его книг, в каждой проступает душа, наполненная Небом. Именно так объяснял он слово «тюрки» — люди, чья душа наполнена Небом. Такими увидел и показал их, таким был и сам.

Именно он ввел в широкий оборот самые важные и значимые для народа понятия: **Тенгри, тюрк, тенгрианство**. О них молчала Большая советская энциклопедия: религию древних тюрков вообще не рассматривали в контексте мировой истории. Он открыл, как тенгрианство через Великое переселение с Алтая повлияло на становление мировых вероучений.

На его книгах выросло новое поколение, для которого слова Великая Степь стали не молчаливым понятием. «Наша Родина — Степь, а колыбель — Алтай», — доказывал он, превращая необозримые географические пространства в страну людей, объединенных духовным родством и верой.

Под его пером ожили Аттила, Чингисхан, впервые показанные человеком одной с ними крови. Своими идеями и размышлениями он сумел увлечь сотни тысяч читателей. Противостоять огромным знаниям и таланту было невозможно. «Критики» избегали дискуссий, вступить в открытый диалог с ним никто так и не осмелился...

«В чем состоит подвиг? В поступке, на который решится не каждый — не каждому же дано совершать подвиги. Научный подвиг — это деяние ученого. Десятилетиями скапливаются знания, которые растят того единственного, кто дерзнет бросить вызов. И докажет свою правоту. Пусть его не поймут современники — поймут другие поколения».

Это слова из книги Мурада Аджи «Полюнь Половецкого Поля», они о тех, кто отважился сказать правду о Великой Степи и ее культуре, об Исследователях с большой буквы.

Мурад Аджи ушел из жизни 7 марта 2018 года, заканчивая работу над книгой, которую вы сейчас держите в руках.

*Солнце без света
как может быть солнцем?*

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

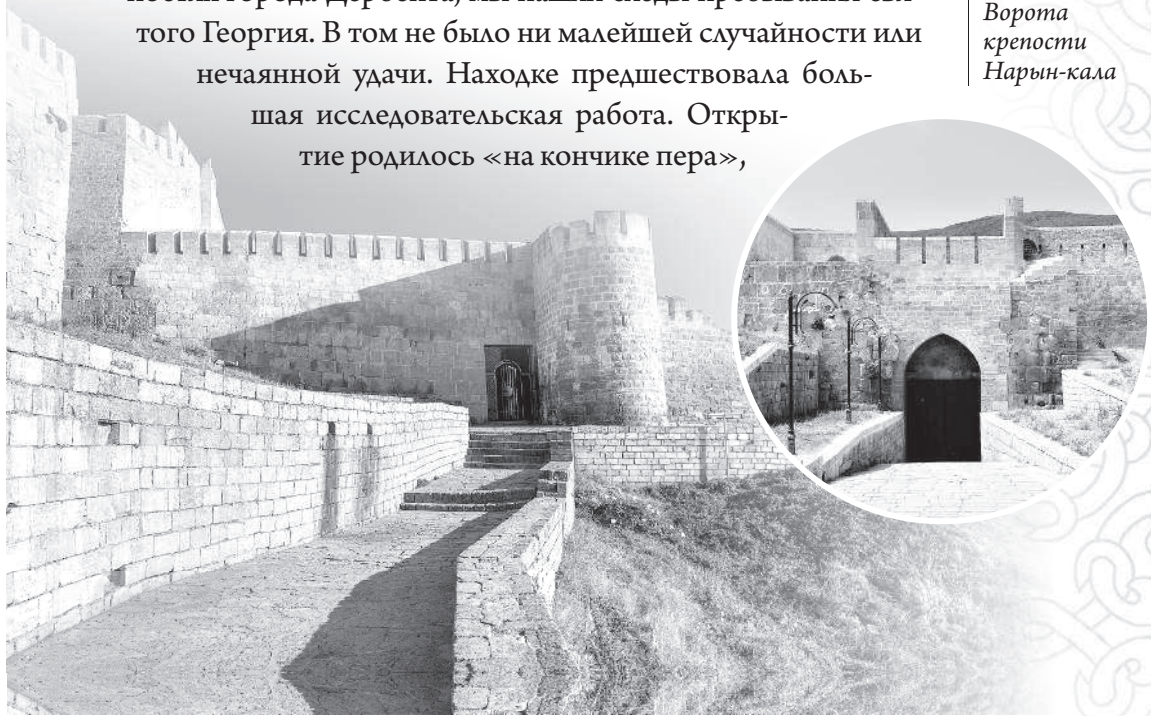
Сейчас, оглядываясь назад, вижу, в истории с Георгием ничего не происходило случайно. Потому и давалось всё непросто, с напряжением. Чтобы прочитать и осмыслить тайнопись его жития, его эпохи, понадобились годы. Поездки, неожиданные встречи, экспедиции, работа над новыми рукописями, даже неудачи «подпитывали» главный труд моей жизни

Книгу эту я писал лет двадцать, а шел к ней всю жизнь. Судьба? Наверное. Ибо «что должно произойти, то — неизбежно». Так и случилось, ход жизненных событий сам, шаг за шагом, и не всегда по моей воле, открывал тайнопись лабиринтов Времени. Осторожно, порой наощупь я продвигался вперед по бесконечному пути в прошлое.

А распахнулся вход в лабиринт неожиданно.

Начало положила экспедиция в Дагестан: здесь, в окрестностях города Дербента, мы нашли следы пребывания святого Георгия. В том не было ни малейшей случайности или нечаянной удачи. Находке предшествовала большая исследовательская работа. Открытие родилось «на кончике пера»,

*Дербент.
Ворота
крепости
Нарын-кала*

я, можно сказать, «вычислил» место подвига святого — так в свое время астрономы обнаружили планету Нептун. Это время стало счастливейшим периодом моей жизни, удавалось всё.

Я снял фильм, в середине 90-х его показывали по Центральному телевидению, были отклики зрителей, публикации в прессе, письма читателей, словом, то, что принято называть успехом.

Но, честно скажу, просмотрев фильм как бы «со стороны», чужими глазами, почувствовал, в нем не хватает важной детали. А какой, сам не знал. С тех пор в глубине души поселилось ощущение неуюта — как от потери чего-то сокровенного. Не сразу понял, главное осталось за кадром. Сам подвиг!

Что сделало Георгия великим святым? Вторым после Бога? Победоносцем? Удостоиться такого можно, лишь осуществив нечто грандиозное. Исполнив величайшее деяние! Сродни сотворению мира. Ну, или чуть меньше... Солнце без света как может быть солнцем?

В каждом его образе — будь то покровитель воинов или землепашец, победитель дракона или спаситель слабых, волчий пастырь или предводитель Небесного воинства — прочитывалась своя история. Объединяла их всеобщая к нему любовь. И тайна...

Чем глубже погружался в тему, тем сильнее ощущал, что «тайна сия велика есть». Она сокрыта в самых глубоких хранилищах мира, спрятана за самыми тяжелыми печатями, покоится среди особо охраняемых документов человечества...

Тогда и родилось желание написать такую книгу о святом Георгии, каких никто в мире не писал. Необычную. Познавательную.

Первый вариант получился быстро, на одном дыхании — по горячим следам работалось легко. Однако издать рукопись в Москве, как говорится, не сложилось. И текст пошел «гулять» по СССР. Интерес к теме был, но с изданием не спешили, всякий раз возникали какие-то

проблемы. Шла непредсказуемая горбачевская перестройка, тогда с надеждой связывали лишь случай.

Вызвался помочь Дагестан. Здесь в маленькой местной типографии успели напечатать сорок экземпляров, и — всё. Работу остановили, как сказали, «по техническим причинам». Те, полукустарные, сделанные наспех книжечки дороги мне фактом своего рождения — важно было объявить тему... Удалось! Случилось это в 1997 году.

Не стану рассказывать, как позже издавал книгу «Европа. Тюрки. Великая Степь». Ее заметили читатели, она выдержала девять переизданий, здесь своя долгая история. Важно, что там был Георгий. Пусть в качестве приложения, пусть сокращенный вариант, но он увидел свет. Мой Георгий!

...Теперь уже и не скажешь, когда впервые услышал его имя. То было в далеком детстве, о святом Георгии рассказывала бабушка, называя его «нашим святым». Моя русская бабушка, Екатерина Ивановна, ввела меня, пятилетнего мальчишку, в его мир, от нее узнал это имя. Возможно, «наш святой», прямо не говорила, не помню, но на всю жизнь усвоил — он «наш защитник». Самый главный в мире святой. Победоносец.

Чей «наш?» Спросить уже не у кого, бабушки давно нет с нами. Осталось ощущение тайны, которое до поры до времени дремало где-то в подсознании, никак себя не проявляя.

Святой Георгий оплечный. Монастырь святой Екатерины на горе Синай.
Кон. XII — нач. XIII в.

Сейчас, оглядываясь назад, вижу, в истории с Георгием ничего не происходило случайно. Потому и давалось всё непросто, с напряжением. Чтобы прочитать и **осмыслить тайнопись** его жития, его эпохи, понадобились годы. Поездки, неожиданные встречи, экспедиции, работа над новыми рукописями, даже неудачи «подпитывали» главный труд моей жизни.

Опыт, мудрость пришли не сразу, долгой оказалась дорога к Георгию. Мои книги, как вехи, отмечают путь к нему. В этом многолетнем странствии постепенно открывалась взаимосвязь событий, их начало и конец в картине Времени.

*Память сердца живою водой омываю –
Открывается прошлого тайная суть.
Столько лжи... Я пишу свои книги, страдая.
О, ожившая память, полынный мой путь!*

Так сказал один из читателей о моих поисках.

И в самом деле, постичь тайнопись жизни святого Георгия было непросто. Трудности преодолевал терпением и болью. С каждой новой публикацией все острее чувствовал ответственность за любое сказанное слово. «Полынный мой путь» — так назвал очередную книгу, а это 960 страниц текста. Она стоит в ряду с «Азиатской Европой» — еще 1128 страниц.

Полынный мой путь...

Сейчас понимаю, в то далекое странствие позвал меня голос крови. Зов у нее особенный. Удивительный. Слышимый через века! Он передается по наследству, каждому человеку. Теперь твердо знаю, кровь, переходя от отца к сыну (и так из поколения в поколение), помнит прошлое. И когда она просыпается, зовет, происходит невероятное! Кровь та стынет в жилах, ею обливается сердце, воспламеняется память, ее восторги рвутся наружу.

Кровь, которая кипит и которая вещает, и ее понимают лишь двое — ты и она.

Что-то подобное случается, но не часто. И это, похоже, случилось со мной. К тому времени я был увлечен страницами собственной родословной. «Кто есть я? Что есть мои корни?» — эти вопросы доступны каждому. Они, собственно, и увлекли меня в мир Великой Степи...

Я родился и вырос в Москве, окончил университет, защитил диссертацию, а жил со знанием того, что предков и родственников у меня нет, что наш род затерялся где-то на дороге времени. Осталась лишь фамилия, которая началась после 1917 года.

Прошлое жило в подсознании, среди догадок, рождая порой чувство одиночества и неуюта. А почему, не понимал. К счастью, тогда и заговорил голос крови — тихо, едва слышно. Голос, не знакомый прежде, мягкий, распевный, родной, он наполнял душу радостью. Я прислушивался, как мог, боясь пропустить даже единое слово.

По его зову поехал на родину предков, в дагестанский Аксай, там и проснулся, словно от чужого сна избавился. Я утешился, отдав сердце этому миру, и вернулся другим человеком: у меня есть родословие, предки, я почувствовал их тепло, и от этой мысли было теплее на душе. Легче стало дышать...

В Москве засел в Военно-историческом архиве — готовил очерк для журнала «Вокруг света». Аджиевы были далеко не последними людьми в обществе, служили в Собственном Его Императорского Величества Конвое в Петербурге, представляли аристократию Кавказа. Потомственные военные или духовные лица, они оставили след в истории Дагестана и России.

Дальше — больше. Захотел узнать о своем народе, о кумыках. Это тюрки, заселившие степи и предгорья Южной России. Вот здесь и столкнулся с удивительным — мой народ не знал своей истории. Как и я. Когда-то на Руси нас называли **половцами**, только кто помнит? Да и вспоминать не принято. Теперь мы — убитый молчанием народ.

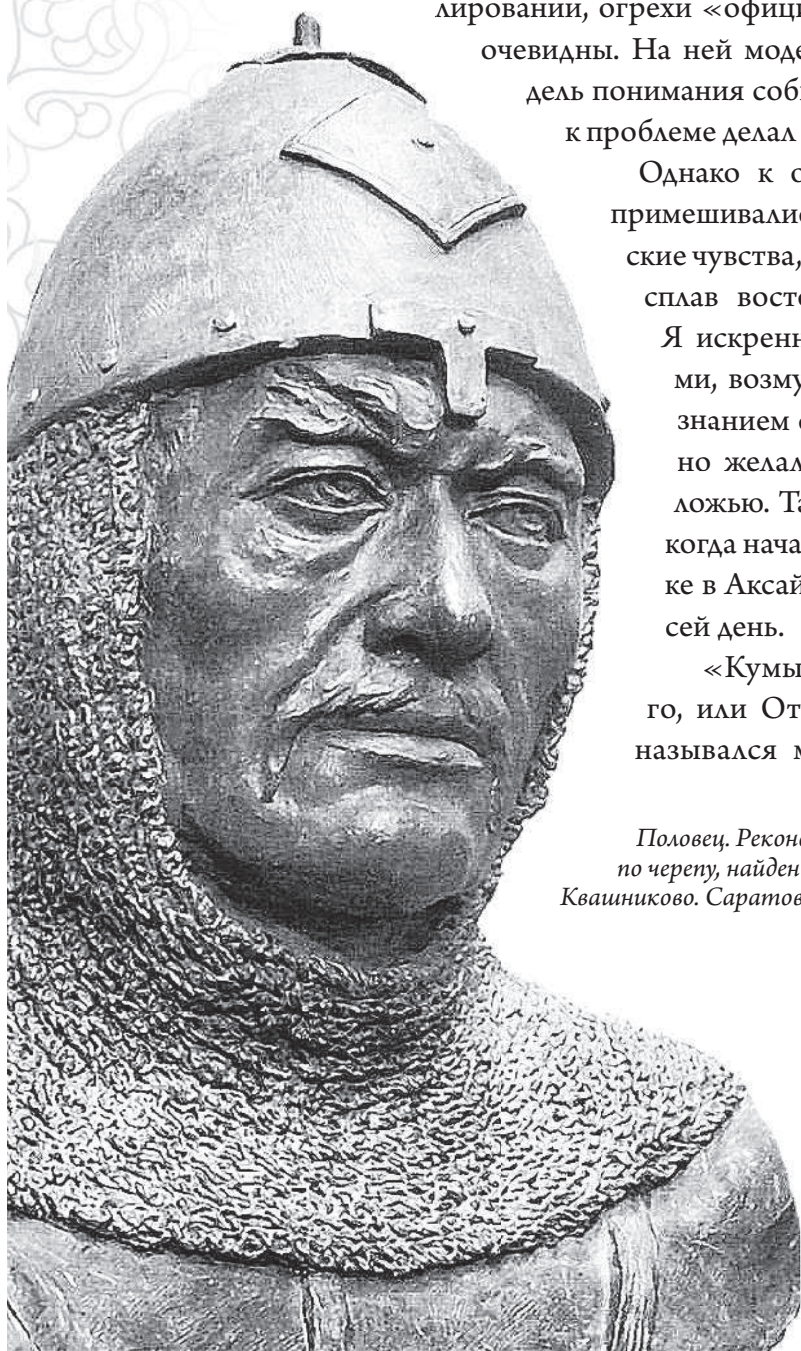
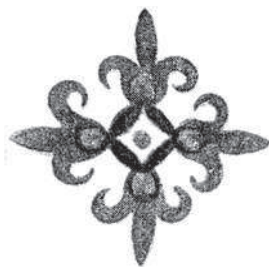
Считается, что кумыки вышли на историческую арену к концу XVIII века, когда царские войска уже готовили оккупацию Кавказа. Получалось, до этого нас как бы и не было. Почему?

Ответ, который предлагала российская историография, поражал нелогичностью: концы не сходились с концами. Для меня, географа, имеющего представление об экономико-математическом моделировании, огрехи «официальной» версии были очевидны. На ней модель не построишь, модель понимания событий. Научный подход к проблеме делал этот вывод очевидным.

Однако к объективному мнению примешивались и чисто человеческие чувства, какой-то невероятный сплав восторга, гнева, протеста. Я искренне восхищался предками, возмущался всеобщим незнанием своих корней и страстно желал покончить с вековой ложью. Таким был мой настрой, когда начал писать о своей поездке в Аксай, таким он остается по сей день.

«Кумык из рода половецко-го, или Открытие самого себя» назывался мой очерк в журнале

Пловец. Реконструкция Г. В. Лебединской по черепу, найденному в погребении близ села Квашиново. Саратовская область. XII—XIII вв.

«Вокруг света», с него веду отсчет тюркских страниц в книге моей жизни. Это был прорыв в сознании и одновременно шаг в неведомый мир.

С той поры смотрю на мир совсем другими глазами, и на Россию тоже. Она — моя Родина, здесь родился, учился, живу. Важно понять простую истину: российская история — это твоя история, и она стала другой — живой, своей, если хотите. Сознание просветлело, когда упали вериги 1917 года.

Теперь я знаю, в каких сражениях участвовали мои деды и прадеды. Их сражения стали **моими** сражениями. Как и вся история России... пусть кровавая, пусть противоречивая, но своя. Буду спорить, могу сомневаться, но лжи и клевете не место в той Истории. Россию надо защищать, а лучшая защита — правда.

Тогда и дал себе клятву, которой следую безоговорочно, — не лгать, не подстраиваться, не угождать даже себе. Писать правду, приятную и неприятную. Интересы побеждают на мгновение, правда — навсегда. С этим убеждением живу...

Очерк о кумыках переполошил редакцию журнала. Историки «патриотической ориентации» слышать не хотели, что есть на свете тюркская культура, что тюрки — отнюдь не «дикие кочевники» и не «поганые татары»... Сейчас даже представить трудно, с каким незнанием мы жили. А было это в 1991 году.

Тогда и нашел свою тропу в науке, отправившись в дальнюю дорогу, в страну по имени **Прошлое**. Так Судьба вывела на полянный простор, навсегда превратив в пленника Половецкого поля...

Великая Степь, или страна **Дешт-и-Кипчак** (так звали ее на Востоке) удивила не своим простором, а вековым туманом, укрывшим ее. И поныне безмолвие окружает страну Половецкую.

Сегодня об этой великой державе Средневековья мало кто знает. То зона молчания. Стал поднимать пласты време-

Половецкое поле —
Великая Степь

ни в Южной России. Порой казалось, что распахи-
ваю нетронутую целину. Но Половецкое поле, его
история уже не отпускали меня, своего вернопод-
данного.

Наше общение обернулось книжкой «Мы —
из рода половецкого!». В небольшой книжечке,
выпущенной в 1992 году, я впервые коснулся тайн
Великой Степи, ее культуры. То было сродни вто-
рому рождению! Мир сделался другим, и я — тоже.

Это было очень важно — стать другим: появи-
лась уверенность, что делаю нужное дело. А вместе
с уверенностью — желание написать новую книгу.
Друзья помогли оформить кредит в банке. Здравая
мысль! С развязанными руками я стал самостоя-
тельным в своих действиях, ощутив на себе справед-
ливость высказывания: «Деньги — это отчеканен-
ная свобода».

Главное — независимость, только она дает свобо-
ду слову. Так удалось издать «Полюнь Половецкого
поля», которая имела шумный успех.

В стране бушевала перестройка, отменили
цензуру, коммунистическую идеологию, а вместе

с ними — старые догмы. В этой бушующей стихии страстей, которая охватила общество, и родился **независимый** исследователь, писатель Мурад Аджи.

Селение Аксай, моя малая родина, подарила мне новый взгляд на новый мир. Я жил будто слепой, и вдруг прозрел. Теперь понимаю, в Аксае был сделан первый шаг к научной теории Великого переселения народов, здесь она дала о себе знать, стала темой моего научного интереса, ею занимаюсь четверть века. В «Саге о Великой Степи» читатель найдет подробности тех лет.

...Годы ушли, пока изучил Алтай, хотя знал Сибирь не понаслышке (проблемы ее освоения были темой моей кандидатской). Однако после знакомства с работами академика Окладникова и особенно профессора Руденко, эта территория обретала особую привлекательность. Их книги помогли найти «свое место» на географической карте Евразии.

Алтай! Тогда еще не родилась наука *алтаеведение*, информация о горной стране была разрознена и не осмыслена. Но я ощущал каким-то даже не шестым, а седьмым или девятым чувством, что такая отрасль знания, посвященная именно Древнему Алтаю, нужна*.

Это почувствовала мировая наука. И открытия посыпались одно за другим. Там, например, как выявили генетики, обитала когда-то особая «порода»

*Здесь повторяю то, о чем не раз писал прежде. Древний Алтай — это вся Южная Сибирь с Байкалом на востоке и Памиром на западе. Огромная горная страна, до Тибета на юге, называлась Алтаем. Современная карта хранит следы того времени: есть Монгольский Алтай, Гобийский Алтай.

